

**Успеем хорошо если к семи:
распад подчинения и лексикализация контактной рамки ***

М. Я. Дымарский

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Аннотация. Статья посвящена одной из конструкций «малого синтаксиса», проиллюстрированной в заглавии. Рассматривается деривация конструкции, включающая процессы 1) втягивания главной части сложноподчиненного предложения в придаточную; 2) утраты комплексом *хорошо если* функции контактной рамки и его лексикализации на правах частицы, примыкающей к сказуемому, а на последней ступени лексикализации – к любому распространителю. Изменение статуса комплекса *хорошо если* порождает семантический эффект расщепления отображаемой ситуации, установление оценочно-градационных отношений между вариантами ситуации, а также импликатуры, составляющие главный смысл высказывания в целом. Возникают предпосылки для образования новых производных союзов (*хорошо если... а то и...* и т. п.). Дается характеристика интонационного контура, в обязательном порядке сопровождающего функционирование частицы *хорошо если*; обосновывается вывод об исчезновении оснований для разделения элементов новой частицы запятой.

Ключевые слова: «малый синтаксис», контактная рамка сложноподчиненного предложения, лексикализация, распад подчинения, втягивание главной части в придаточную, импликатура, пунктуационное оформление.

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка», № 17-29-09158 «Создание корпуса официально-деловых текстов русского языка (ОДКРЯ)», № 18-012-00778 «Теоретические основания кодификации русской пунктуации».

Дымарский М. Я. Успеем хорошо если к семи: распад подчинения и лексикализация контактной рамки // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 361–377.

УДК 811.161.1; 81'367.335.2; 81'367.635; 81'37

DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-361-377

Контактная информация: Дымарский Михаил Яковлевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (1-я л. В.О., 52, Санкт-Петербург, 199053, Россия); старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Тучков пер., 9, Санкт-Петербург, 199053, Россия, dym2005@list.ru)

Эпоха увлечения русистов моделированием предложения, как и эпоха увлечения лингвистикой текста, ушла в прошлое вместе с ушедшим веком. Уже в 80–90-е гг. начал обозначаться поворот интереса от единиц уровня предложения и выше к единицам, составляющим компоненты предложения (высказывания), удачно названным «малым синтаксисом»¹, иначе – к «микросинтаксису» [Иомдин, 2014; 2015]. В западной лингвистике сходный поворот принял форму «грамматики конструкций», см. [Рахилина, Кузнецова, 2010]. Причину – или одну из причин – этого поворота можно видеть в том, что моделирование предложения, сколь бы детально оно ни было разработано, все равно не приведет к построению такой системы отвлеченных образцов, по которым может строиться неограниченное количество высказываний данного языка и, главное, к которым может быть сведено любое высказывание, – особенно если это не строго нормированная письменная речь, а, допустим, синтаксис Л. Н. Толстого или фрагмент спонтанной устной речи. Между тем именно такая идеальная цель имела в виду в работах Н. Ю. Шведовой – ср. характерные выражения (курсив в цитатах мой. – М. Д.): «Предикативная основа (структурная схема) простого предложения – это имеющий свою формальную организацию и свое языковое значение синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное нераспространенное (элементарное) предложение. Такие предикативные основы (структурные схемы) предложения являются абстракциями, отвлекаемыми от *неограниченного множества конкретных предложений*»; «*Все* отвлеченные образцы простых нераспространенных предложений, принадлежащие современному литературному языку, могут быть перечислены: их количество ограничено, а основные признаки и само существование весьма стабильны» [Русская грамматика, 1980, с. 85]. Являясь безусловно верными по сути, эти формулировки, тем не менее, отражают универсалистскую тенденцию, отводящую конструкциям вроде *Я ничего, Хорошо меня там не было, Они там занимаются черт знает чем* (все три изучались Л. Л. Иомдиным), *Успеем хорошо если к семи* и т. п. место на дальней периферии синтаксического описания, среди маргинальных способов реализации и распространения базовой структурной схемы. На самом деле эти способы далеко не мар-

¹ «Под “малым синтаксисом” понимается совокупность периферийных фразеологизированных синтаксических конструкций, каждая из которых имеет по крайней мере одну фиксированную грамматическую форму или лексему. В современной английской грамматической терминологии этому соответствует понятие *minor type sentences*» [Апресян и др., 2010, с. 59] (авторы главы Ю. Д. Апресян и Л. Л. Иомдин).

гинальны, они весьма широко распространены как в литературной разговорной речи, так и за ее пределами.

Существует, впрочем, иная точка зрения, выдвигающая в центр лингвистических исследований объект заведомо более крупного, чем предложение, формата: «дискурс является даже более важным, центральным объектом лингвистики, так как он заведомо не является теоретическим конструктом, и есть точка зрения, что лингвистика могла бы избавиться от многих своих заблуждений, если бы начала как бы “с нуля”, исследуя реально зафиксированные образцы дискурса» [Кибрик, 1994, с. 127]. Нельзя не заметить переключки между этим тезисом и утверждениями-лозунгами, которые владели умами лингвистов в 60-е гг.: «текст есть язык в действии» (М. А. К. Хэллiday); «мы общаемся не предложениями, а текстами» (Г. Вайнрих и др.) и – в особенности – «первенствующим языковым знаком является текст» (П. Хартманн) (цит. по: [Москальская, 1981, с. 11–12]). Однако следует учесть один существенный момент. Дискурс – явление, включающее языковой компонент, но далеко не исчерпываемое им; изучать дискурс исключительно с лингвистической точки зрения – значит заведомо обрекать исследование как минимум на неполноту. То же, хотя и в меньшей мере, относится к тексту. В 60-е и 70-е гг. прошлого века к лингвистическому изучению текста обратились языковеды, воспитанные в русле европейских грамматических традиций, многие из них были специалистами по синтаксису. Они довольно быстро – в течение примерно двух десятилетий – поняли, что те закономерности организации текста, которые доступны собственно лингвистическому описанию, практически исчерпываются типологиями средств связности и строевых единиц текста с рядом специфических черт их организации (подробнее см. [Дымарский, 2006, гл. 1]); другие же закономерности, тенденции, факторы, определяющие устройство текста, можно объявить предметом лингвистического исследования лишь с большей или меньшей натяжкой. Поэтому через некоторое время эти лингвисты вернулись к своему традиционному объекту. Сегодня изучением текста / дискурса занимаются исследователи, получившие совершенно иную подготовку, как правило – не грамматисты, и это уже другая лингвистика. Симптоматично название цитированной статьи А. А. Кибрика: речь идет, по сути, о когнитивной науке, частично опирающейся на данные лингвистики и отчасти использующей ее методы, но никак не сводимой только к лингвистике. Между тем многие процессы жизни языка происходят в рамках именно предложения; их изучение способно помочь и в моделировании процессов, происходящих за его пределами.

Один из таких процессов – распад подчинения, являющийся следствием компрессии и ведущий к преобразованию сложноподчиненного предложения в простое. Рассмотрим этот процесс на примере одной конструкции «малого синтаксиса» (полужирным шрифтом выделены элементы, составляющие главный объект внимания):

(1) *Кинозал по ту сторону экрана пуст, в нём сидят **хорошо** если пять человек, один из них – японский турист, спасающийся от дождя* [Запись LiveJournal (2004)]²;

² Примеры с атрибуцией в квадратных скобках извлечены из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

(2) *Тем временем Валерка пояснил, что иконы решил толкнуть за бугор Витька, его приятель-стоматолог, который с год как подвязался к солнцевской братве, но бизнес этот его сугубо личный, и не дай бог, про это узнают коллеги из славной группировки, тогда ему хана, и хорошо, если просто застрелят* [А. Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)].

1. Конструкции рассматриваемого типа очевидным образом восходят к стандартным сложноподчиненным предложениям (СПП) вида

(3) *Это будет очень хорошо, если вы сейчас же и сами это дело окончите.* (Дост.) (пример из [Русская грамматика, 1980, с. 481]);

(4) *О, как было бы хорошо, если бы у нас был свой, народный, русский театр!* (В. Белинский) (пример из [Русская грамматика, 1980, с. 566]).

В «Русской грамматике» предложения видов (3) и (4) разведены по разным рубрикам: (3) описывается среди СПП нерасчлененной структуры как разновидность конструкций с изъяснительным придаточным [Там же, с. 481]; (4) характеризуется среди СПП расчлененной структуры как особая разновидность «условных предложений неиндикативного типа» [Там же, с. 566]. Это решение не представляется достаточно мотивированным, так как присловный характер связи и, следовательно, нерасчлененность структуры очевидны в обоих случаях. Однако детальное обсуждение этого решения не входит в нашу задачу; для нас важна явная генетическая связь между конструкциями видов (1) и (3–4)³.

Каким же образом стандартная модель СПП преобразуется в конструкцию вида (1)?

Для ответа на этот вопрос была сформирована выборка из НКРЯ. По запросу «**хорошо** на расстоянии **1** от **если**» было получено 1 378 документов, включающих 1 777 вхождений; среди них было найдено 45 примеров вида (1). Анализ материала позволяет разбить его на несколько групп, демонстрирующих ступени перехода от стандартного СПП к конструкции (1), в которой комплекс *хорошо если* полностью лексикализован.

2. Для исходной модели СПП с изъяснительным придаточным характерны следующие особенности.

2.1. Контактным словом главной части является оценочный предикатив – краткое прилагательное, как в (3), или слово категории состояния, как в (4). Вместе с союзом это слово образует контактную рамку СПП⁴, являющуюся своеобразным «паспортом» конструкции.

Выражаемая этим словом оценка является качественной и может быть как положительной, так и отрицательной, ср. (5) → (5а):

³ Показательно, что проф. А. Д. Шмелев, привлечший мое внимание к этим конструкциям (за что я, пользуясь случаем, искренне его благодарю), ставил вопрос об их пунктуационном оформлении: нужна ли в них запятая, и если да, то где. Ясно, что мысль о возможности / необходимости запятой возникает именно в силу очевидной связи между конструкциями вида (1) и стандартным СПП. Примеры (1–2) демонстрируют реально существующие колебания в пунктуационном оформлении конструкции. К вопросу об этой запятой мы еще вернемся.

⁴ Понятие контактной рамки СПП нерасчлененной структуры было введено в [Ильенко, 1964]. См. также [Ильенко и др., 2016, с. 286–289].

(5) Как было бы **хорошо**, если бы все прекрасные истории имели счастливый конец! (Ю. Казак.) (пример из [Русская грамматика, 1980, с. 566]);

(5а) Как было бы **ужасно**, если бы все истории имели только печальный конец!

Качественная положительная или отрицательная оценка, выражаемая предикативом, распространяется на всю ситуацию, обозначенную придаточным предложением. Логическую структуру всего СПП можно условно записать следующим образом:

(i) Сор [Оценка +/-], что / если P ($СД_{[Оценка +/-]} = P$),

где Сор – грамматическая связка (*было / есть / будет / было бы*); P – ситуация, обозначенная придаточным предложением; $СД_{[Оценка +/-]}$ – сфера действия оценки.

Лексическое варьирование контактного слова в исходной модели СПП, насколько можно судить, ограничено только пределами лексико-семантической группы оценочных предикативов: *хорошо* или *плохо* может свободно заменяться на *отлично*, *прекрасно*, *замечательно*, *симпатично*, *удивительно*, *отвратительно*, *страшно*, *ужасно*, *мерзко* и т. п.

2.2. Союз *если* употребляется в реализациях исходной модели только с ирреальным (условным) значением (4, 5) или с отнесенностью к плану будущего (3), которое также по определению гипотетично. В собственно индикативных употреблениях (планы прошедшего и настоящего) на его месте закономерно обнаруживается союз *что*, сохранение союза *если* невозможно:

(4а) *О, как хорошо, **что** у нас есть свой, народный, русский театр!* – **О, как хорошо, **если** у нас есть свой, народный, русский театр;*

(5б) *Как хорошо, **что** все истории имеют счастливый конец!* – **Как хорошо, **если** все истории имеют счастливый конец.*

2.3. Модально-временная парадигма исходного СПП является почти полной (сомнительны реализации с императивным значением), что видно из примеров в двух предыдущих подпунктах и экспликации (i).

Указанные особенности существенны потому, что именно с ними связаны изменения, составляющие ступени лексикализации комплекса *хорошо если*.

Ниже эти ступени будут охарактеризованы в порядке удаления от исходной модели СПП. Следует подчеркнуть, что собственно лексикализация комплекса начинается со второй ступени, первая же представляет собой предпосылку этого процесса.

3. На первой ступени располагаются случаи следующего типа:

(6) *Затем Минфин подведёт итоги конкурса, и **хорошо**, если имена победителей среди НУК станут известны в начале сентября* [Оксана Карпова. Юрьев день для будущих пенсионеров (2003) // «Время МН», 2003.07.25];

(7) *Да еще, не дай бог, у соседей та же хрень начнется. **Хорошо**, если морду бить придут, а ну как сразу настучат?* [Евгений Лукин. Клопики (2013)];

(8) ***Хорошо**, если отнимут свои – тогда мы просто вернемся в ту же точку, откуда начинали* [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)].

3.1. Возможность лексического варьирования контактного слова в таких конструкциях на первый взгляд сохраняется:

(6а) *Затем Минфин подведёт итоги конкурса, и замечательно, если имена победителей среди НУК станут известны в начале сентября.*

Как будто сохраняется и возможность мены оценки на противоположную:

(9) *В самом деле – он хочет сохранить свою газету, которой грозят большие неприятности, и свою незапятнанную репутацию, потому что уж очень **будет плохо**, если заинтересованные люди начнут копаться в его прошлом (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом).*

Однако, во-первых, примеров, подобных (9), крайне мало; во-вторых, в таких случаях не наблюдается оценочного рассогласования: то, что «заинтересованные люди начнут копаться» в чем-то прошлом, действительно оценивается отрицательно. Оценка «плохо» в (9) сохраняет качественный характер. Между тем для случаев типа (6–8) характерно оценочное рассогласование или, по меньшей мере, отсутствие ясного согласования: почему хорошо, что имена победителей станут известны в начале сентября? Почему хорошо, что соседи «морду бить придут»? Почему хорошо, что «свои» что-то «отнимут»?

Поэтому для случаев типа (6–8) условия контекста делают замену *хорошо* на *плохо* сомнительной:

(6б) *Затем Минфин подведет итоги конкурса, и **плохо**, если имена победителей станут известны позже начала сентября;*

(7а) *Да еще, не дай бог, у соседей та же хрень начнется. **Плохо**, если сразу настучат, а морду пускай бьют.*

Низкая вероятность отрицательной оценки означает снятие актуальности оппозиции *хорошо vs плохо*. Это, в свою очередь, уничтожает качественный характер выражаемой оценки. В самом деле, смысл использования интересующей нас конструкции в (6) заключается не в утверждении положительной оценки той гипотетической ситуации, что имена победителей станут известны в начале сентября, а в выражении уверенности в нескором оглашении имен победителей. Аналогичным образом, в (7) с помощью той же конструкции выражается не положительная оценка той гипотетической ситуации, что соседи «морду бить придут», а утверждение, что это еще небольшое зло по сравнению с той возможностью, что соседи «сразу настучат». Как «хорошее» в (6) оценивается не сам по себе срок (начало сентября), а его предшествование какому-либо более позднему сроку; в (7) – не ситуация «придут бить морду», а ее меньшая опасность по сравнению с другой ситуацией. Положительная оценка, таким образом, утрачивает качественность (ведь абсурдна, в самом деле, качественно положительная оценка ситуации «соседи придут бить морду»!) и приобретает релятивный характер. В (7), в отличие от (6, 8), релятивный характер положительной оценки структурно подчеркнут тем, что названы оба сопоставляемых гипотетических события; в (6, 8) второе событие подразумевается, но не названо как ясное из контекста («имена победителей станут известны еще позже»; «отнимут не свои, а чужие»). В результате в сфере действия оценки «хорошо» может оказаться что угодно: и то, что в отсутствие сопоставления с некоторой другой ситуацией обычно вообще никак

не оценивается (например, время объявления имен победителей или возраст кувшинов, как в (11) – см. ниже), и то, что обычно оценивается отрицательно.

Таким образом, в структуре ситуации, выражаемой придаточным предложением, выделяется переменная – некоторый компонент Q , который может принимать по меньшей мере два значения: или Q , или Q_1 . Соответственно и вся эта ситуация расщепляется на две противопоставляемые: или $P(Q)$, или $P(Q_1)$. Например, в (6)

$P(Q)$ = ‘имена победителей станут известны Q [в начале сентября]’,

$P(Q_1)$ = ‘имена победителей станут известны Q_1 [позже начала сентября]’.

В (7):

$P(Q)$ = ‘соседи Q [придут бить морду]’,

$P(Q_1)$ = ‘соседи Q_1 [сразу настучат]’.

В (8), соответственно:

$P(Q)$ = ‘отнимут Q [свой]’

$P(Q_1)$ = ‘отнимут Q_1 [чужие]’.

Условная запись логической структуры для (6–8) должна, следовательно, выглядеть отличным от (i) образом:

$$(ii) (Cop)^? [Хорошо], \text{ если } P(Q) \wedge \neg(P(Q_1)) \\ [(CD)_{[Хорошо]} = P(Q); P(Q) \oplus P(Q_1); Q = (0 / -), Q_1 = (- -)],$$

где фрагмент « $\wedge \neg(P(Q_1))$ » читается как «и не $P(Q_1)$ »; символ « $\oplus$ » читается как «исключает»; последняя запись означает « Q оценивается как ‘нейтрально’ или ‘плохо’, Q_1 – как ‘хуже, чем Q ’».

Эта экспликация демонстрирует, что 1) позиция грамматической связки формально сохраняется, но в реальности не заполняется; 2) отрицательная оценка исключается; 3) в ситуации P , отображаемой придаточным, выделяется компонент Q , эксплицитно или имплицитно противопоставленный компоненту Q_1 , сама же ситуация расщепляется на два варианта; 4) сфера действия оценки распространяется только на вариант ситуации $P(Q)$, который исключает второй возможный вариант $P(Q_1)$.

Сформулированные выше смысловые приращения – дополнительные значения ‘уверенность в нескором оглашении имен победителей’ (6), ‘уверенность в неизбежности неприятных последствий’ (7), ‘уверенность в неизбежности насильственной утраты’ (8) – представляют собой импликатуры говорящего, которые слушающий без труда выводит как инференции и ради которых структура (ii), собственно, и используется. Обозначим импликатуры подобного рода символом α ; тогда в целом тот факт, что из (ii) следует α , можно записать как

$$(iii) (Cop)^? [Хорошо], \text{ если } P(Q) \wedge \neg(P(Q_1)) \Rightarrow \alpha.$$

Релятивизация положительной оценки, образование структуры (ii) и импликатуры (α) происходят исключительно при использовании предикатива *хорошо* – как наиболее универсального, нейтрального маркера положительной оценки. При его синонимических заменах ни релятивизации оценки, ни образования (ii) и (α) не происходит: именно в этом заключается отличие (6a) от (6), и именно поэтому (6a) не выражает значения уверенности в нескором оглашении имен победителей. По этой же причине и сам пример (6a), как будто не вызывающий сомнений в своей приемлемости, выглядит несколько искусственно.

3.2. Возможность перевода в синтаксический индикатив – с соответствующей заменой союза – также сохраняется:

(6в) *Минфин подвел итоги конкурса, и хорошо, что имена победителей уже известны;*

(7б) *У соседей то же самое началось. Хорошо, что только бить пришли, а ведь могли сразу настучать;*

(8а) *Хорошо, что отняли свои – теперь мы просто вернемся в исходную точку.*

Однако точно так же, как в случае синонимической замены контактного слова – оценочного предикатива, при переводе в индикатив релятивизации положительной оценки и образования (ii) и (α) не происходит: в примерах (6в, 7б и 8а) оценка имеет качественный характер, а импликатур, подобных тем, что наблюдаются в (6, 7, 8), нет.

3.3. Сохранность модально-временной парадигмы, как показано в (ii), относительна: если пренебречь семантическими приращениями (α), т. е. проверить формальную возможность перевести исходные примеры в индикатив (например, в план прошедшего), получим положительный результат:

(6г) *Минфин подвел итоги конкурса, и было хорошо, что имена победителей были уже известны;*

(7в) *У соседей то же самое началось. Хорошо было, что только бить пришли...;*

(8б) *Хорошо было, что отняли свои – после этого мы просто вернулись в исходную точку.*

Ясно, однако, что в (6г, 7в и 8б) импликатур (α) не наблюдается. Показательно, что, хотя позиция связки формально сохраняется, в оригинальных примерах, отнесенных к плану будущего или условного ирреалиса (6–8), нет ни связки, ни показателя сослагательности *бы*, хотя место для них, казалось бы, предусмотрено: *будет хорошо, было бы хорошо*. В остальных примерах данного типа, полученных при помощи НКРЯ, наблюдается та же картина, причем преобладает ирреалис, ср.:

(10) *Не превратишься в прах, из которого вырастет в лучшем случае гриб? И хорошо, если не ядовитый?* [Андрей Кучаев. Незнакомые грибы // «Октябрь», 2003];

(11) *...до огромных, в человеческий рост, кувшинов... Эти-то были непросто-тельно молоды. Хорошо, если каждому из них было по семьсот лет* [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964)];

(12) *...объем тренировок такой, что хорошо, если вообще дышать успеваешь* [А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)];

(13) *Родители в основном ориентируются на ту школу, что ближе к дому. И хорошо, если процентов 10–15 из них стараются выбрать менее социально опасную* [О. Балла, Б. Дубин. «Учеба – одно, а жизнь – другое» // «Знание – сила», 2013].

Таким образом, на первой ступени рассматриваемого процесса исходная конструкция изъяснительного СПП с контактной рамкой *хорошо, что / если* включается в состав более сложного построения. При этом вариант исходного СПП с контактной рамкой *хорошо, если* обособляется от употреблений с другими оценочными предикативами и с союзом *что*. У обособленного варианта закрепляется привязка к футуральной временной перспективе или плану условного ирреалиса. Позиция грамматической связки формально сохраняется, но не заполняется. Ситуация *P*, обозначаемая придаточной частью, расщепляется на два варианта, содержащие разные значения переменной *Q*, причем такие, что между ними устанавливается градация: *Q* оценивается как 'допустимо', 'нейтрально' (6, 10–13) или 'плохо' (7, 8), *Q*₁ – как 'хуже, чем *Q*'. Вариант ситуации *P(Q*₁*)* может не называться, но в семантической структуре всегда присутствует. Возникает более сложная, по сравнению с (i), логическая структура (ii), в которой в сферу действия оценки, выражаемой предикативом – контактным словом *хорошо*, попадает не вся ситуация *P*, а лишь ее компонент *Q*. В результате порождается импликатура (α) – то самое семантическое приращение, ради которого создается высказывание в целом. Сама же положительная оценка, выражаемая предикативом, утрачивает качественный характер и превращается в релятивную: в сфере действия положительной оценки парадоксальным образом оказывается семантический компонент *Q*, который, в отсутствие сопоставления с *Q*₁, оценивается безусловно отрицательно.

По-видимому, нет необходимости добавлять, что расщепление ситуации *P*, сужение сферы действия оценки и ее релятивизация – составляющие одного процесса. Но стоит подчеркнуть, что на I ступени рассматриваемая конструкция сохраняет основные черты сложноподчиненного предложения; не случайно колебаний в ее пунктуационном оформлении не наблюдается: в 100 % подобных случаев запятая, разделяющая части СПП, сохраняется.

4. На второй ступени рассматриваемого процесса комплекс *хорошо(,) если* с признаками, появившимися на предыдущей ступени, утрачивает качество контактной рамки сложноподчиненного предложения и включается в структуру простого предложения на правах частицы при сказуемом. Механизм этого преобразования допустимо интерпретировать как втягивание главной части СПП внутрь придаточной части (астериском отмечена реконструкция «исходного» варианта предложения):

(14) *Да и вообще, до Кузнецова прокуроры хорошо если высывались из Грозного, а он объехал всю республику* [Дм. Карцев. Кузнец своего несчастья // «Русский репортер», 2012] ← **Хорошо, если* [до Кузнецова] *прокуроры* [хотя бы] *высывались из Грозного, а он* [Кузнецов] *объехал всю республику*.

Схематически это преобразование, отвлекаясь от второй части сложносочиненной конструкции, можно изобразить при помощи понятия следа (*trase*, *t*), используемого в грамматиках составляющих:

(14') $??[t_i]$ TP[до Кузнецова] PraedP[NP[прокуроры] VP[??[хорошо если]; VP[высывались из Грозного]],

где TP – группа темпорального детерминанта, PraedP – предикативная группа, VP – глагольная группа.

Правда, при использовании подобной записи возникают затруднения с квалификацией интересующего нас комплекса [*хорошо если*]. Во-первых, признать его словосочетанием («группой») невозможно. Во-вторых, в исходной позиции, которая обозначена как [t_i], это целое главное предложение в сочетании с подчинительным союзом и в то же время контактная рамка сложноподчиненного предложения, а в результирующей структуре это модификатор при сказуемом: символов для обозначения подобных «групп» в грамматиках составляющих обнаружить не удастся. Если согласиться с тем, что наиболее важной для предикатива является функция контактного слова, то можно обозначить контактную рамку исходного СПП как CF (contact frame), а модификатор в составе глагольной группы как MP (modifier group, хотя это не «группа»). Тогда получим:

(14") $CF[t_i]$ $TR[до Кузнецова]$ $P_{\text{радP}}[NP[прокуроры]$ $VP[MP[хорошо если]_i]$
 $VP[высовывались из Грозного]]$.

Удовлетворительность записи (14") может вызывать сомнения, но главное – кардинальное изменение функции бывшей контактной рамки СПП *хорошо если* – она отражает.

4.1. Возможность варьирования лексемы *хорошо* на данной ступени исключена. Релятивный характер положительной оценки еще более отчетлив. Расщепленность ситуации P сохраняется, но сама ситуация отображается уже не придаточным, а самостоятельным простым предложением. Переменный компонент Q выражен составом сказуемого, подразумеваемый компонент Q_1 также представляет собой сказуемое, поэтому в целом предложение, вместе с импликатурой (α), приобретает значение характеристики субъекта, выраженного подлежащим.

Например, для (13)

Q = ‘высовывались из Грозного’,
 Q_1 = ‘не высывывались из Грозного’,
 (α) = ‘прокуроры были трусливы’.

Ср. дополнительные примеры:

(15) *...на самом деле никакого полка нет, стоит отряд чеченцев плюс несколько офицеров, которые **хорошо если** успели перебросить семьи куда-то в Россию* [Е. Гайдар, А. Кох. Беседы с Гайдаром. Часть вторая. «Главным призом была полная власть в стране», 2007].

Q = ‘успели перебросить семьи’,
 Q_1 = ‘не успели перебросить семьи’,
 (α) = ‘офицеры находятся в трудном ($\Rightarrow$ небоеспособном) положении’.

(16) *После случая с Ариадной он неколебимо верен ей <...> И больших соблазнов с тех пор не было. Да и страшно теперь соблазниться: соперницу Джулия **хорошо если** только выпорот!..* [М. Чулаки. Примус // «Звезда», 2002].

Q = ‘только выпорот соперницу’,
 Q_1 = ‘подвергнет соперницу еще более страшной экзекуции’,
 (α) = ‘Джулия ревнива и жестока’.

Втягивание главной части в придаточную, разрушение сложноподчиненного предложения и изменение функции бывшей контактной рамки на функцию моди-

фикатора при сказуемом отражаются и на логической структуре предложения, которая на данной ступени принимает следующий вид:

$$(iv) P (Sb \text{ хорошо если } Pd_Q \wedge \neg Pd_{Q1}) (CD_{[\text{хорошо}]} = Pd_Q),$$

где Sb – субъект (подлежащее), Pd – предикат (сказуемое).

4.2. Возможность перевода в синтаксический индикатив с заменой союза на *что* исключена:

(14a) *...до Кузнецова прокуроры **хорошо что** высывались из Грозного, а он объехал всю республику.

Смысл (14) при такой трансформации кардинально изменяется, импликатура (α) исчезает, предложение в целом воспринимается как алогичное, недопустимое; первая же часть, если отвлечься от ее участия в сложносочиненной конструкции, может восприниматься как разговорный вариант предложения, смысл которого противоположен смыслу (14):

(14б) *Хорошо, что до Кузнецова прокуроры высывались из Грозного.*

Аналогично для (15–16):

(15a) *...несколько офицеров, которые **хорошо что** успели перебросить семьи куда-то в Россию;

(16a) *...соперницу Джулия **хорошо что** только выпорот.

4.3. Очевидно, что сама постановка вопроса о возможности перевода в индикатив лишена смысла, поскольку на II ступени перед нами уже не сложноподчиненное предложение, организуемое контактной рамкой [*хорошо, если*], а простое предложение, в котором бывшая контактная рамка функционирует как частица, смысл которой близок к смыслу выражений *в лучшем случае, едва ли, максимум, минимум* и подобных. В отличие от предикатива – контактного слова в СПП, при *хорошо* в (14–16) позиции грамматической связки нет, а следовательно, нет и модально-временной парадигмы. Попытка восстановить связку приводит не просто к неприемлемым, а кagramматичным результатам:

(14в) *...до Кузнецова прокуроры **было хорошо что** высывались из Грозного, а он объехал всю республику;

(15б) *...несколько офицеров, которые **было хорошо что** успели перебросить семьи куда-то в Россию;

(16б) *...соперницу Джулия **будет хорошо что** только выпорот.

Итак, на второй ступени процесса лексикализации комплекса *хорошо если* происходит втягивание главной части СПП в придаточную, конструкция СПП разрушается. Бывшая контактная рамка СПП *хорошо если* перемещается из своей исходной позиции вправо, минуя группу подлежащего, и занимает позицию перед сказуемым, превращаясь в модификатор при нем – фактически на правах частицы, синонимичной частицам *в лучшем случае, едва ли, максимум, минимум, от силы*. Семантический эффект расщепления ситуации принимает вид расщепления предиката, причем подразумеваемое второе сказуемое, как правило, остается нена-

званным. Импликатура (α) приобретает вид характеристики субъекта, обозначенного подлежащим. Единственный след бывшей конструкции СПП, который на этой ступени еще сохраняется, – прямое взаимодействие бывшего союза *если* и сказуемого: ведь в исходном СПП союз вводит придаточное именно с этим сказуемым.

5. Третья ступень отличается от предыдущей тем, что указанный след бывшей конструкции СПП утрачивается. Комплекс *хорошо если* отрывается от сказуемого и становится модификатором при каком-либо распространителе. Теоретически это может быть любой распространитель, однако в нашем материале это в абсолютном большинстве распространители с количественным значением или с количественным компонентом значения (в примерах они подчеркнуты). В (17–18) распространитель имеет количественное значение:

(17) *Он за всю жизнь **хорошо если** раз три стрелял из автомата* [Г. Я. Бакланов. В месте светлом, в месте злчном, в месте покойном (1995)];

(18) *Многие отделения тогда заполнялись **хорошо если** на треть* [А. Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)].

В (19–21) в значении распространителя имеется количественный компонент:

(19) *С любыми враждебными обстоятельствами жизни Герой готов был расправиться уверенно, за явным преимуществом, и только с ползучим цепким раком бороться можно **хорошо если** на равных...* [М. Чулаки. Примус // «Звезда», 2002];

(20) *Колосенцев с тоской думал о том, что придется по пробкам тащиться в такую даль, чтобы поговорить со свидетельницей, и убить на это **хорошо если** полдня, а то и весь день* [А. Маринина. Последний рассвет (2013)];

(21) *Если допускать «креатив» вне предельно узкой полоски на самом верху ведомства (и то, вероятно, не всякого), то креатив пойдёт – **хорошо, если** третьесортный, зато порядку не станет вовсе* [А. Привалов. О неуместной креативности // «Эксперт», 2014].

Расщепление ситуации P здесь также имеет место, однако переменная Q , как видно из примеров, представляет собой не ситуацию в целом и не ее предикат, а лишь ее темпоральный (20), качественный (19, 21), количественный компонент. Логическую структуру предложения можно представить следующим образом:

$$(v) P (Sb Pd \text{ хорошо если } [Attr / Circ_{Quant}]_Q \wedge \neg [Attr / Circ_{Quant}]_{Q_1}) \\ (СД_{[хорошо]} = [Attr / Circ_{Quant}]_Q),$$

где $Attr / Circ_{Quant}$ – атрибутивный или обстоятельственный распространитель с количественным значением или с количественным компонентом значения.

Компонент Q_1 , характеризующий еще менее желательное, чем Q , положение дел, как правило, не называется, но его присутствие не исключено, ср. в (20) *хорошо если полдня, а то и весь день*.

6. В случаях, подобных (20), можно говорить об образовании сложных союзных комплексов типа *хорошо если... а то и*, причем это касается и конструкций, описанных в п. 1.1 и 1.2, ср. *хорошо если... а ну как* в (7). Такие союзные комплексы связывают однородные придаточные или однородные члены предложения

на основе дизъюнкции (ср. нейтральное *или*), но с целым «букетом» дополнительных семантических оттенков: оценочных и градационных, – ярко высвечивающих позицию говорящего. Лексикализация бывшей контактной рамки изъяснительного СПП, таким образом, в пределе ведет к ее грамматикализации в составе производного сочинительного союза. Любопытно, что ведущим элементом при этом становится не союзный по происхождению элемент *если*, а бывшая полнозначная лексема *хорошо*. Не случайно *если* может опускаться, и не только в собственно разговорной речи:

(22) *Тут бывает плохо ребятишкам, хорошо ещё успеют с дерева слезть и разбежаться, а не успел, – то прямо и попадает в Михеевы мохнатые лапы* [М. М. Пришвин. Матрешка в картошке (1925)].

В тех случаях, когда альтернативный компонент Q_1 не называется и, соответственно, союзный комплекс не образуется, *если* также может опускаться:

(23) *Сама увидишь, какая толпица к нему домогается. Послушник хорошо одного-двух пропустит. Недугует отец Алексей, и не надейся* [В. Д. Пришвина. Невидимый град (1962)].

7. Лексикализация комплекса *хорошо если* (и, как видим, его усеченного варианта *хорошо*) на правах частицы ведет к его специализации на маркировании ремы, что наблюдается во всех приведенных выше примерах. При этом, как и у всех рематизирующих частиц, за *хорошо если* закрепляется специфическое интонационное оформление: подъем голосового тона на *хорошо* (ИК-3 ↗) и довольно резкое его падение на акцентоносителе ремы (контрастный акцент ИК-2 ↘↘), вместе образующие ИК-5. Акцентоносителем ремы в любом случае становится компонент Q (в нижеследующих примерах интонационные акценты проставлены после их носителей):

(14г) T_1 [до Кузнецова] T_2 [прокуроры] R [хорошо ↗ если высовывались из Грозного ↘↘], а он объехал всю республику;

(16в) ... T_2 [соперницу] T_1 [Джулия] R [хорошо ↗ если только выпорот! ↘↘]⁵.

В примерах, отражающих последнюю ступень лексикализации комплекса *хорошо если*, акцентоносителем ремы становится слово с количественным значением:

(17а) T_1 [Он] T_2 [за всю жизнь] R [хорошо ↗ если раза три ↘↘ стрелял из автомата].

Любопытно, что в случаях, когда акцентоноситель ремы представляет собой не «чистый» квантитатив, а слово, в значении которого лишь присутствует количественный компонент, контрастный акцент ИК-2 может интонационно расчленять слово, вынуждая говорящего к изменению нормативного ударения:

⁵ Нумерация тематических составляющих (T_1 и T_2) в примере отражает линейно-акцентное преобразование «Тематизация фрагмента ремы со сдвигом влево». *Соперницу* – второй актант предиката, который при исходно нейтральном порядке слов должен находиться вместе с предикатом в реме. Условия контекста, однако, ведут к его тематизации и перемещению влево, в абсолютное начало предложения.

(20a) _T[*придется... убить на это*] _R[*хорошо ↗ если пол↘дня, а то ↗ и весь ↘ день*].

Существительное *полдня́* (в значении ‘отрезок времени протяженностью в половину дня’; не смешивать с существительным *полдень* в Род. п.) в норме имеет ударение на корне [Агеенко, Зарва, 2000, с. 326], как и большинство имен с префиксоидом *пол-* (ср. *полгода́*, *полмесяца́*, *полметра́*, *полтарелки́*, *полуро́ка* и т. д.). Однако, как только оно оказывается под контрастным акцентом, ударение смещается на префиксоид, так как именно в нем заключен количественный компонент значения.

8. Возвращаясь к вопросу о пунктуационном оформлении конструкций типа (1–2), отметим, что оснований для постановки запятой в случаях, описанных в п. 4 и 5, т. е. в предложениях, где наблюдается лексикализация *хорошо если* второй ступени и выше, нет. Наличие запятой в употреблении типа (2) можно объяснить тем, что пишущий осознает генетическую связь используемой конструкции со сложноподчиненным предложением, не обращая внимания на то, что СПП уже нет. Кроме этого, имеет смысл учитывать своеобразную «магию союза»: *если* осознается как подчинительный союз, а при подчинительном союзе в школе научили ставить запятую.

Количественные данные, однако, свидетельствуют о том, что в узусе явно преобладает отсутствие запятой. Из 45 примеров вида (1), см. п. 1, лишь в 14 имеется запятая перед *если*, что составляет менее трети. Эти данные выразительно подчеркивают тот факт, что и для носителя языка это уже особая конструкция, утратившая черты сложноподчиненного предложения.

9. Наконец, одно соображение более общего характера. Удивительнее всего в описанном процессе, пожалуй, то, что новое, вопреки третьему закону диалектики, не перечеркивает старое, отрицания отрицания не происходит, – хотя мы знаем, что в диахронии часто происходит полное вытеснение старого новым. Вектор развития, ведущего к лексикализации комплекса *хорошо если* на правах частицы, наметился, по данным НКРЯ, не позднее последней четверти XIX в.:

(24) *Еще в маленьких деревнях, 12–20 дворов, можно встретить на сельском сходе всех домохозяев, а в больших – хорошо, если вместо 200–300 и более человек, вы насчитаете 30–50 домовладельцев* [Народная воля. Социально-революционное обозрение. № 5 // «Народная воля», 1881].

Однако это развитие за полтора века вовсе не привело к исчезновению предшественников новой конструкции. Все модели с *хорошо(,) если* – и стандартное изъяснительное СПП, и простое предложение – бывшее придаточное с втянутой главной частью, – и простое предложение с полностью лексикализованным комплексом-частицей *хорошо если* – мирно сосуществуют, не мешая друг другу и не отрицая друг друга. Поневоле вспоминается точная формула Ю. М. Лотмана, противопоставляющая естественный язык одномоментно созданному коду: «Код не подразумевает истории, то есть психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще. “Язык” же бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования. Язык – это код плюс его история» [Лотман, 1992, с. 13].

Объяснение этого удивительного факта, видимо, следует искать в разнофункциональности моделей с *хорошо(,) если*. Говорящему бывает нужна и качественная оценка ситуации (и тогда используется изъяснительное СПП), и релятивная оценка, порождающая дополнительные импликатуры и создающая в целом емкое, наполненное смыслами и иронией высказывание. Этим, кстати, комплекс-частица *хорошо если* заметно отличается от близких по смыслу частиц *минимум / максимум, от силы* и подобных, что объясняет легкость его вхождения в круг этих частиц. В целом же смысловое богатство получившейся конструкции объясняет как ее появление, так и ее закрепление в системе языка – такова прагматика синтаксической производности (см. об этом на материале другой конструкции [Дымарский, 2016]).

Список литературы

- Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений русского языка / Под ред. М. А. Штудинера. М.: Рольф, 2000. 816 с.
- Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. 408 с.
- Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) 3-е изд., испр. М.: КомКнига, 2006. 296 с.
- Дымарский М. Я. Прагматика синтаксической производности: игра «своего» и «чужого» в случае *Я не безумец лезть под пули* // Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. *Свое – чужое* в языке и речи / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2016. С. 64–77.
- Ильенко С. Г. Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1964. 37 с.
- Ильенко С. Г., Дымарский М. Я., Мартыанова И. А., Столярова И. В. Современный русский язык. Синтаксис: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под общ. ред. С. Г. Ильенко; отв. ред. М. Я. Дымарский. М.: Юрайт, 2016. 391 с.
- Иомдин Л. Л. *Хорошо меня там не было*: синтаксис и семантика одного класса русских разговорных конструкций // Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages. München; Berlin; Washington D.C.: Verlag Otto Sagner, 2014. Bd. 55. S. 423–436.
- Иомдин Л. Л. Конструкции микросинтаксиса, образованные русской лексемой *раз* // SLAVIA, časopis pro slovanskou filologii. 2015. Ročník 84. Sešit 3. С. 291–306.
- Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
- Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992. 272 с.
- Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высш. шк., 1981. 183 с.
- Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–82.
- Русская грамматика: В 2 т. / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 712 с.

Article metadata

Title: *Uspeem khorosho esli k semi* ('Will Success to Arrive Good if by Seven'): Subordination Decay and Lexicalization of the Contact Frame

Author: M. Ya. Dymarsky

Author's e-mail: dym2005@list.ru

Author's affiliation: Herzen State Pedagogical University of Russia; Institute for Linguistic Studies RAS

Abstract. The article is devoted to one of Russian "minor type sentences" illustrated in the title. Derivation of the construction is considered, including the processes of 1) retracting the main part of the complex sentence into the subordinate clause; 2) the loss of the function of the contact frame by the complex *khorosho esli* and its lexicalization as a particle adjacent to the predicate, and at the last stage of lexicalization – to any actant or circonstant. Changing the status of the complex *khorosho esli* gives rise to the semantic effect of splitting the displayed situation, the establishment of estimation-gradational relations between the variants of the situation, as well as the implicatures that make up the main meaning of the statement as a whole. Prerequisites arise for the formation of new derivative unions (*khorosho esli... a to i ...* and the like.). The characteristic of the intonation contour is given which obligatorily accompanies the functioning of the particle *khorosho esli*; the conclusion is substantiated that the grounds for separating the elements of a new particle by a comma disappear.

Key terms: minor type sentences, contact frame of a complex sentence, lexicalization, disintegration of subordination, retraction of the main part into the subordinate clause, implicature, punctuation.

Reference literature (in transliteration):

Ageenko F. L., Zarva M. V. Slovar' udarenyy russkogo yazyka [Accentologic dictionary of Russian]. M. A. Shtudiner (ed.). Moscow, Rolf Publishing house, 2000, 816 p. (in Russ.)

Apresyan Yu. D., Boguslavskiy I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeystvie grammatiki i slovarya [Theoretical problems of the Russian syntax: The grammar-vocabulary interface]. Yu. D. Apresyan (ed.). Moscow, LRC Publishing house, 2010, 408 p. (in Russ.)

Dymarskiy M. Ya. Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst (na materiale russkoy prozy XIX–XX vv.) [Text formation problems and literary text (on the material of Russian fiction of 19th–20th centuries)]. 3rd ed., rev. Moscow, URSS Publishing group, 2006, 296 p. (in Russ.)

Dymarskiy M. Ya. Pragmatika sintaksicheskoy proizvodnosti: igra «svoego» i «chuzhogo» v sluchae "Ya ne bezumets lezt' pod puli" [Pragmatics of syntactic derivativeness: play of „own” and „alien” in the case of I am not a madman to go under bullets]. In: I. P. Kyul'moya (ed.). Acta Slavica Estonica VIII. Trudy po russkoy i slavyanskoj filologii. Lingvistika XVII. Svoe – chuzhoe v yazyke i rechi [Proceedings in Russian and Slavic philology. Linguistics XVII. Own and alien in language and speech]. Tartu, Tartu Uni. Press, 2016, p. 64–77. (in Russ.)

Iliencko S. G. Voprosy teorii slozhnopodchinennogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke [Topics in the study of subordinate complex sentence in contemporary Russian]. Abstract of habilitation thesis. Leningrad, 1964, 37 p. (in Russ.)

Ilienکو S. G., Dymarskiy M. Ya. (eds.). *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis* [Contemporary Russian. Syntax]. Textbook for undergraduate students. Moscow, Urait Publishing house, 2016, 391 p. (in Russ.)

Iomdin L. L. Khorosho menya tam ne bylo: sintaksis i semantika odnogo klassa russkikh razgovornykh konstruksiy [It's good I wasn't there: Syntax and semantics of a class of Russian colloquial constructions]. In: *Grammaticalization and Lexicalization in the Slavic Languages*. München, Berlin, Washington D.C., Verlag Otto Sagner, 2014, Bd. 55, S. 423–436. (in Russ.)

Iomdin L. L. Konstruksii mikrosintaksisa, obrazovannye russkoy leksemoy raz [Microsyntax constructions based on the Russian lexeme raz]. *SLAVIA, časopis pro slovanskou filologii* [*SLAVIA, journal of Slavic philology*], 2015, vol. 84, iss. 3, p. 291–306. (in Russ.)

Kibrik A. A. Kognitivnye issledovaniya po diskursu [Cognitive studies of discourse]. *Voprosy yazykoznaniya* [*Topics in the study of language*], 1994, no. 5, p. 126–139. (in Russ.)

Lotman Yu. M. Kul'tura i vzryv [Culture and explosion]. Moscow, Gnosis; Progress Publishing group, 1992, 272 p. (in Russ.)

Moskalskaya O. I. Grammatika teksta [Text grammars]. Moscow, Higher school publishing, 1981, 183 p. (in Russ.)

Rakhilina E. V., Kuznetsova Yu. L. Grammatika konstruksiy: teoriya, storonniki, blizkie idei [Construction grammar: theory, proponents, related ideas]. In: E. V. Rakhilina (ed.). *Lingvistika konstruksiy* [Construction linguistics]. Moscow, Azbukovnik Publishing Centre, 2010, p. 18–82. (in Russ.)

Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]: In 2 vols. Moscow, Nauka, 1980, vol. 2. Sintaksis [Syntax], 712 p. (in Russ.)